

ДРЕВНЕЙШИЕ ЕВРОПЕЙЦЫ В СЕРДЦЕ АЗИИ: ЧЕМУРЧЕКСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

**Часть II. Результаты исследований
в центральной части Монгольского
Алтая и в истоках Кобдо;
памятники Синьцзяна
и окраинных земель**

SAINT PETERSBURG STATE MUSEUM-INSTITUTE OF THE ROERICHS
ALTAI STATE UNIVERSITY
ULAANBAATAR UNIVERSITY
KHOVD UNIVERSITY

**EARLIEST EUROPEANS
IN THE HEART OF ASIA:
THE CHEMURCHEK
CUTURAL PHENOMENON**

**PART TWO. EXCAVATIONS
IN CENTRAL PART OF MONGOLIAN ALTAI
AND IN HEADSTREAM OF KHOVD RIVER;
SITES AND FINDS IN XINJIANG
AND IN OUTLYING REGIONS**

Edited by A. Kovalev

St.-Petersburg
2015

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И МУЗЕОЛОГИИ
МОНГОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
УЛАН-БАТОРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КОБДОСКИЙ (ХОВД) УНИВЕРСИТЕТ

ДРЕВНЕЙШИЕ ЕВРОПЕЙЦЫ В СЕРДЦЕ АЗИИ: ЧЕМУРЧЕКСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

**ЧАСТЬ II. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ
И В ИСТОКАХ КОБДО;
ПАМЯТНИКИ СИНЬЦЗЯНА
И ОКРАИННЫХ ЗЕМЕЛЬ**

*Составитель и научный редактор
А.А. Ковалев*

Санкт-Петербург
2015

УДК 902/903'14 (1-925.31/33)
ББК Т4 (54) 24-7
ББК 63.48 (54)
Д73

Составитель и научный редактор:
А.А. Ковалев

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор *А.В. Харинский*
доктор исторических наук, профессор *А.Д. Цыбиктаров*

Д73

*Утверждено к печати Редакционно-издательским советом
Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов*

Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Часть II. Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель / Составитель и научный редактор А.А. Ковалев — СПб.: МИСР, 2015. — 320 с.
ISBN 978-5-98709-809-7

Сборник посвящен одному из наиболее значимых и загадочных явлений в древней истории Евразии — появлению в середине III тыс до н. э. на Алтае и в Джунгарии комплекса культурных инноваций, имеющих западноевразийское происхождение, в том числе мегалитической архитектуры погребальных сооружений, уникального стиля каменных изваяний и росписей. Российские, монгольские и казахстанские археологи предприняли научные раскопки памятников этого круга, что позволило решить задачу их датировки и обосновать гипотезу о происхождении чемурчекского феномена от мегалитических культур позднего неолита Франции и Швейцарии. В настоящем томе впервые комплексно представлены результаты исследований чемурчекских погребальных сооружений центральной части Монгольского Алтая, ритуальных комплексов в верховьях Кобдо, а также обзор данных по чемурчекским памятникам Синьцзяна. В издание включена также информация о синхронной чемурчеку новой культуре восточноевропейского происхождения, открытой в горах Восточного Тянь-Шаня.

Книга адресована историкам, археологам, лингвистам, искусствоведам, культурологам и всем читателям, интересующимся проблемами древней истории Евразии, а также историей миграций индоевропейских народов.

УДК 902/903'14 (1-925.31/33)
ББК Т4 (54) 24-7
ББК 63.48 (54)

ISBN 978-5-98709-809-7

9 785987 098097

© Ковалев А.А., составление, редакция 2015
© Авторы статей, 2015
© Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов, разработка и составление серии, 2015

ВВЕДЕНИЕ

Вторая часть нашего многотомного издания продолжает публикацию материалов, характеризующих чумурчекский культурный феномен – общность, объединённую распространением в предгорьях Монгольского Алтая (от Алтайского края до Заалтайской Гоби) традиций западноевропейского мегалитизма (Ковалев 2011; 2012; Kovalev 2011). В первой части издания были опубликованы материалы раскопок российских, монгольских и казахстанских исследователей 1998–2010 годов (Ковалев и др. 2014; Ковалев, Эрдэнэбаатар 2014а, 2014б). В настоящем томе помещены отчёты об исследованиях чумурчекских памятников, предпринятых Алтайским государственным университетом и Кобдоским (Ховд) университетом в центральной части Монгольского Алтая. С 2007 по 2014 год под руководством А.А.Тишкина, С.П. Грушина, Ч. Мунхбаяра и Д. Эрдэнэбаатара в северной части Ховд аймака были раскопаны тринадцать чумурчекских курганов «булганского типа», в том числе с ритуальными пристройками изысканной архитектуры (Тишкин и др. 2011; 2012а; 2012б; 2013а; Грушин и др. 2014). В течение ряда сезонов эти работы проводились по заданию Санкт-Петербургского государственного Музея-института семьи Рерихов. В 2015 году Музей-институт семьи Рерихов совместно с Алтайским государственным университетом и Кобдоским (Ховд) университетом организовал экспедицию для раскопок уникального памятника – чумурчекского святилища в урочище Хар чулуут в верховьях реки Кобдо (Ховд). Сообщение о результатах этих исследований мы сочли необходимым поместить в настоящее издание, поскольку подготовка полной публикации комплекса займёт, вероятно, несколько лет. В книгу вошёл также свод всех доступных чумурчекских материалов из Синьцзяна, в ходе создания которого пришлось использовать как краткие и ущербные публикации китайских учёных, так и отрывочные сведения из популярных книг и телефильмов.

Представление о чумурчекском культурном феномене не может быть полным без информации о его культурном окружении. В связи с этим нами предпринята публикация материалов неизвестной доселе культуры эпохи ранней бронзы, синхронной чумурчеку, – культуры Сазньсаи в Восточном Тянь-Шане. Носители этой культуры пришли во Внутреннюю Азию, скорее всего, из Северо-Западного Прикаспия, сохранив обряд погребения в «фигурных ямах» с ритуальной повозкой. Культура Сазньсаи имела тесные связи с чумурчекским населением Восточного Казахстана, что подтверждается появлением там погребений по такому же обряду – Копа 2, Копа 3 (Ковалев и др., 2014). О проникновении носителей чумурчекского культурного феномена на сотни километров к северу – в район распространения елунинской культуры – говорят результаты раскопок обнаруженного С.П. Грушиным в Змеиногорском районе Алтайского края кургана Усть-Каменка 2. Архитектура этого погребального сооружения соответствует стандарту чумурчекских курганов «булганского типа» и уникальна для бронзового века Российского Алтая.

Представленные в настоящем томе фотографии и прорисовки изображений на плитах чумурчекских погребальных и ритуальных сооружений имеют особое значение для решения вопроса о происхождении чумурчекского культурного феномена. Геометрические росписи гробниц курганов Бэлэн усны дэнж, Хуурай салааны ам 1 в Ховд аймаке, а также Тоганьбай 2 М2 и Копар в Синьцзяне дополняют серию аналогичных находок в чумурчекских курганах Булган сомона (Ковалев, Эрдэнэбаатар 2014а). Теперь можно ещё более обоснованно утверждать, что в совокупности набор композиций и изобразительных приёмов чумурчекских росписей в точности воспроизводит ведущие мотивы искусства мегалитических культур Франции, Испании, Ирландии, Швейцарии. Вписанные друг в друга ромбы и шевроны, параллельные ряды «висящих» треугольных фестонов, косяк сетка, сетка с ячейками, заполненными округлыми точками, меандровидные и спиралевидные изгибы, заполнение плоскости хаотичными ломаными линиями – всё это в совокупности характеризует искусство «атлантического мегалитизма» (Twohig 1981; Robin G. 2009; Ковалев 2012б: 52–53). Западноевропейские прототипы (Lilios 2008) имеют и сланцевые пластинки с геометрическими орнаментами, обнаруженные в Хар чулуут. Сверхъестественные существа с параболическим или прямоугольным туловищем и разнообразными антеннами, занимающие центральное место в композициях святилища Хар чулуут, находят аналогии только в мегалитических памятниках Франции (Ковалев 2012а: 155–156, рис. 4).

А.А. Ковалев

А.А. Ковалев¹, И.В. Мерц²

¹Институт археологии РАН

²Алтайский государственный университет

ОГРАДА № 9 МОГИЛЬНИКА БЛИЗ БЫВШЕГО АУЛА КАНАЙ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ (ПО АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Ограда № 9 могильника близ аула Канай исследовалась 3 отрядом Восточно-Казахстанской экспедиции в 1952 году. Восточно-Казахстанская экспедиция под общим руководством С. С. Черникова была организована ЛО ИИМК совместно с Институтом истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Начальником III (курганного) отряда являлась научный сотрудник ЛО ИИМК АН СССР А. А. Гаврилова.

Могильник находился на территории нынешнего Курчумского района Восточно-Казахстанской области, к западу от существовавшего тогда аула Канай. В настоящее время местность затоплена водами Бухтарминского водохранилища. Могильник был расположен на надпойменной террасе правого берега Иртыша, «полого спускающейся от подножия гор к болотистой пойме реки» (Черников 1956). Общее протяжение могильника с севера на юг – 800 м (Черников 1960: 31). План могильника снимался в 1950 году, когда на нём были раскопаны первые объекты, в настоящее время оригинал плана и копия на кальке хранятся в Научном архиве ИИМК РАН (НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 1950, № 58, л. 1; ф. 35, оп. 1950, № 45, л. 5). Ограда № 9 располагалась на восточной окраине могильника, около дороги (НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 1952, № 34, л. 9), на полевом плане 1950 года она была отмечена, но почему-то зачёркнута, а на беловом чертеже замазана белилами (рис. 2).

Результаты раскопок ограды № 9 дважды публиковались С. С. Черниковым (Черников 1956: 55–56; 1960: 32, 34). Полевая документация о раскопках ограды № 9 А. А. Гавриловой, А. Г. Максимовой, отчёты А. А. Гавриловой, С. С. Черникова, А. Г. Максимовой, фотографии и рисунки обнаруженных при раскопках предметов, определения костей животных, принадлежащие старшему научному сотруднику ЗИН АН СССР И. М. Громову, антропологические определения проф. В. В. Гинзбурга хранятся в Научном архиве ИИМК РАН, а также в архиве Института археологии им. А. Х. Маргулана МОН Республики Казахстан и в Восточно-Казахстанском областном музее. Перечень основных архивных источников приводится ниже.

Научный архив ИИМК РАН (НА ИИМК РАН)

НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 1952, № 32 – А. А. Гаврилова. Отчёт о работе III (курганного) отряда Бухтарминской экспедиции 1952 г.

НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 1952, № 34 – А. А. Гаврилова. Дневник археологических работ по исследованию могильника близ аула Канай.

НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 1952, № 35 – Дневник научного сотрудника Восточно-Казахстанской экспедиции АН СССР Максимовой А. Г.

НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 1952, № 36 – полевые чертежи памятника.

НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 1952, № 37 – материалы к отчёту, включа-

ющие фотографии и зарисовки предметов, фотографии выполненных набело чертежей.

НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 1952, № 38 – список определений костных остатков, собранных Восточно-Казахстанской экспедицией ЛОИИМК АН СССР в 1952 г. (М. М. Громов).

НА ИИМК, ФА, негативы I 36007, I 36009 – фотоснимки бронзового наконечника стрелы и каменной бусины из могилы в ограде 9; негатив II 56667 – фотоснимок фрагмента глиняного сосуда из насыпи.

Архив Института археологии МОН Республики Казахстан им. А. Х. Маргулана (ИА им. А. Х. Маргулана)

Ф. 11, оп. 2, связка 23, дело 319 – Максимова А. Г. Дневники Восточно-казахстанской археологической экспедиции 1952, 1953, 1954 гг.

Ф. 11, оп. 2, связка 15, дело 216 – Максимова А. Г. Зарисовки керамики Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1950 г. (поселения и могильника Канай).

Восточно-Казахстанский областной музей (ВКМ)

АРХ-15, акт 751п, 1979, КПнв-6112 – Отчёт Восточно-Казахстанской экспедиции АН СССР за 1952 г., включающий Приложение 1 – «Характеристика антропологических материалов Восточно-Казахстанской экспедиции АН СССР, 1952 года» (В. В. Гинзбург).

АРХ-109, А 751, 1978, ВКЭ 1952 А – Отчёт Восточно-Казахстанской экспедиции АН СССР за 1952 г. Альбом.

К сожалению, в архивах России и Казахстана нам не удалось обнаружить ни одной полевой фотографии памятника. О конструкции кургана и о погребении можно судить только лишь по полевым чертежам, текстам дневников и отчётов. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы содержат некоторые противоречия, информация о конструкции кургана неполна, чертежи ограды составлены, с точки зрения современных требований, недостаточно подробно. Разрезы отсутствуют вовсе. В отсутствие фотоматериалов уточнить данные графической фиксации практически невозможно.

Дневник раскопок, хранящийся в настоящее время в Научном архиве ИИМК РАН, ежедневно вела А. А. Гаврилова (НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 1952, № 34, далее – дневник А. А. Гавриловой), из этого источника следует, что курган раскапывался с 16 по 23 августа. В дневнике А. А. Гавриловой сообщается, что 23 августа, в последний день раскопок ограды № 9, когда проводилась разборка погребения, к работам на могильнике присоединились приехавшие 22 августа А. Г. Максимова и А. М. Оразбаев. В своём дневнике (НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 1952, № 35, далее – дневник А. Г. Максимовой), начатом, как следует из надписи на титульном листе, 22 августа, А. Г. Максимова приводит описание ограды № 9 и находок в ней. Можно предположить, что А. Г. Максимова не только принимала участие в разборке погребения, но и видела зачищенную ограду кургана. В связи с этим обращают на себя внимание расхождения между полевыми дневниками исследователей в части конструкции ограды и формы могильной ямы.

Описание ограды № 9 на основе полевого отчёта А. А. Гавриловой с учётом антропологических и зоологических определений дано в первой публикации В. В. Черниковым. Это описание приводится ниже. В примечаниях даны дополнительные данные, полученные из архивных источников.

Представленные в настоящей статье чертежи кургана и могилы (рис. 1, 3) составлены по полевой документации; границы могильной

ямы реконструированы по данным чертежа погребения (НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 1952, № 36, л. 21). На плане погребения, датированном 20 августа, даны расстояния от костей погребённых до стенок ямы, а также схематичный набросок плана могильной ямы в виде квадрата с закруглёнными углами и с указанием на длину стороны квадрата в 2 м. На плане кургана (НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 1952, № 36, л. 19) могильная яма изначально изображена не была, а врисовывалась туда по засечкам от точек «А» и «Б», обозначенных на плане погребения, до «центра кургана» (репера). Показанный на плане ограды контур могильной ямы не совпадает с контуром, приведённым на плане погребения. Изучение общего плана кургана показало, что все нивелировки велись от центра разметки (обозначен на нашем плане как ЦР (центральный репер)); указания на глубину залегания, в случае, если они даны в дневнике А. А. Гавриловой с дополнением «от поверхности насыпи» указывают на иную точку отсчёта. Таким образом, глубина дна могилы в 1,75 м означает его уровень относительно репера, а не древней или современной поверхности. Собственно глубина ямы должна быть меньше. Нивелировки поверхности насыпи и данные о грабительской яме приведены на нашем чертеже по дневнику А. А. Гавриловой (НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 1952, № 34, л. 9).

Описание ограды № 9 по первой публикации (Черников 1956: 55–56):

Ограда № 9. Квадрат из вертикально поставленных каменных плит со сторонами квадрата 13,5 м¹; ориентирован по странам света с небольшим отклонением к западу². Параллельно стенкам восточной половины ограды, отступя от них на 0,95 м, сохранилась вторая стенка из таких же вертикально поставленных каменных плит³. В юго-западном углу ограды – насыпь из земли с камнями, круглая, диаметром 1,5 м, высотой 0,2 м. Под насыпью кольцевая ограда диаметром 1,3 м, под которой ничего не оказалось, на глубине 0,95 м⁴ обнаружен грунт.

В центре ограды⁵, под дёрном, слой камней, окружающий могильную яму с западной и северной сторон. С южной стороны, на глубине 0,20 м, обнаружены черепки сосуда баночной формы, украшенного вдавлениями концом палочки, альчик и обломок трубчатой кости барана⁶.

Обнаруженная грунтовая яма оказалась подквадратной формы, с закруглёнными углами⁷. Размеры её – 2,10×2 м, глубина – 1,75 м⁸.

В могиле – парное захоронение: мужчины (старческого возраста, андроновского типа), положенного с южной стороны, и женщины (средних лет) – с северной стороны⁹. Погребённые лежали на спине¹⁰, в скорченном положении, головой на восток¹¹; головы и колени повернуты вправо. Правая рука женщины вытянута, левая слегка согнута в локте; правая рука мужчины вытянута и лежит под левым боком женщины и под его собственными бёдрами, от левой руки сохранилась только плечевая кость, а кости предплечья обнаружены в норах грызунов, черепа и челюсти которых попадались в могиле¹². На правом боку женщины, от плеча до бёдер, лежала ножка козы¹³, от которой сохранились сочленённые между собой лопатка и две трубчатые кости. На правом плече мужчины также лежали две несочленённые трубчатые кости козы.

Костяки окрашены охрой, особенно черепа и кости таза и ног мужчины¹⁴. В области таза мужчины обнаружены угли.

Около правой руки мужчины найден бронзовый черешковый наконечник стрелы, в комке глины, что не позволило установить его положение; около левой руки и в области ног мужчины и в насыпи могилы на глубине 1,6 м встречены куски охры; каменная бочёнкообразная бусина светло-зелёного цвета обнаружена в выкиде¹⁵ из могилы.

¹ В дневнике А. А. Гавриловой – 14×13 м, в дневнике А. Г. Максимовой – 14 м с запада на восток и 13 м с севера на юг. На плане кургана ограда имеет отчётливую трапециевидную форму. Длина восточной стороны с учётом внешней северной стенки ограды – 13,8 м, до внутренней северной стенки – 13 м, длина западной стороны до внутреннего контура 10,7 м, длина южной стороны – 12,5 м, длина северной стороны по линии внутренней стенки – около 12,8 м.

² Согласно полевому чертежу, отклонение линии, соединяющей середины оснований трапеции, от параллели составляет около 15 градусов против часовой стрелки.

³ Внешние стенки прослежены только с северо-восточной стороны ограды. В дневниках А. А. Гавриловой и А. Г. Максимовой дана ширина промежутка между стенками в 0,75 м. На плане – максимальная ширина 0,85 м.

⁴ Неизвестна точка отсчёта уровня. План округлой ограды хранится в ИИМК РАН (НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 1952, № 36, № 20). Привязать его к плану кургана не представилось возможным.

⁵ В дневнике А. А. Гавриловой (л. 10) запись: «В центре ограды обнаружено скопление камней и около него углубление, по-видимому – грабительская яма. К Ю-В от неё второе углубление».

⁶ В дневнике А. А. Гавриловой (л. 12): «У ю. стенки могилы, на глубине 0,20 м от поверхности...»

⁷ В дневнике А. Г. Максимовой запись: «Контур могильной ямы проследить не удалось» (!).

⁸ На плане погребения размеры ямы даны 2×2 м, в дневнике А. А. Гавриловой (л. 13) отмечены размеры ямы 2×2,1 м. Глубина дана, судя по чертежу, от репера на поверхности насыпи, так что глубина собственно ямы не более 1,5 м.

⁹ Данные о возрасте и антропологическом типе костяков приводятся по определениям проф. В. В. Гинзбурга. Эти определения включены в отчёт С. С. Черникова за 1952 год (АРХ-15, акт 751п, 1979, КПнв-6112). См. выдержку из этого документа ниже. В дневнике А. А. Гавриловой (л. 18) запись: «Взяты череп мужчины (2), череп и кости таза женского костяка (3)».

¹⁰ По описанию из дневника А. Г. Максимовой, погребённые были уложены на боку: «Костяки лежат очень близко друг к другу, это произошло за счёт распада связей, и кости немного откинулись как бы в положение на спине, хотя тазовые кости и позвонки говорят, что костяки лежали на правом боку». Зафиксированное на рисунке положение лопаток женского костяка указывает, скорее, на положение на боку.

¹¹ На плане погребения ориентация костяков указана по линии запад-восток, однако при совмещении с планом кургана оказывается, что ориентировка костяков должна быть смещена от этой линии на 12 градусов по часовой стрелке. В дневниках А. А. Гавриловой и А. Г. Максимовой указана ориентировка головами на восток.

¹² Из дневника А. Г. Максимовой: «Кости рук обоих костяков лежат ладонями вниз».

¹³ Согласно определению М. М. Громова (см. ниже); в дневнике А. А. Гавриловой говорится о костях барана.

¹⁴ А. Г. Максимова отмечает: «На теменной части мужского черепа имеется одна глубокая рана и другая мелкая, по всей вероятности, они нанесены стрелой, т. к. по своей форме раны подтреугольной формы и очень напоминают перо наконечника стрелы, описанного нами». В отчёте и публикациях С. С. Черникова таких выводов не содержится.

¹⁵ Имеется в виду отвал, образовавшийся при раскопках.

Общий план и другие архивные материалы свидетельствуют о том, что курган «ограда № 9» могильника у аула Канай представлял собой ограду из вертикально установленных каменных плит подтрапециевидной формы. Основания трапеции были ориентированы по линии север-юг с отклонением примерно на 15 градусов против часовой стрелки. Стороны трапеции имели длину около 12,5 м, основания – примерно 13 м (восток) и 10,7 м (запад). Близ северо-восточного угла ограда обнесена снаружи второй стенкой из поставленных на ребро плит. Эта стенка отстоит от восточной стенки ограды на 0,75 м, от северной стенки – на 0,85 м. Ещё один установленный на ребро камень зафиксирован на плане с южной стороны ограды. Это, конеч-

но, может означать, что курган имел внешнюю ограду, впоследствии разобранную со всех сторон, кроме северо-восточной. Тем не менее, наличие внешней ограды по всему периметру не может считаться установленным.

На плане заметно, что восточная стенка в середине имеет разрыв длиной примерно 3,5 м. В этом промежутке на плане показаны лежащие «плашмя» плитки, в основном за пределами линии ограды. Таким образом, ограда могла иметь «вход» наподобие ограды курганов Ахтума или Копы 1 (Ковалев и др. 2014).

Судя по нивелировкам поверхности «насыпи» и вершушек камней ограды, ограда практически не выступала на поверхности земли, а «насыпь» не выделялась по высоте на окружающей поверхности. Была ли ограда вообще специально засыпана землей изнутри, неясно.

В юго-восточном углу ограды археологи, видимо, добрались до основания плит ограды (где-то здесь находилось более позднее каменное кольцо). Приведённые здесь нивелировки по верху и основанию камней показывают, что плиты ограды в северо-восточном углу имели в высоту минимум 46, 52, 35 и 38 см. Аналогии с другими исследованными курганами этого типа говорят, что вкапывались плиты неглубоко. Таким образом, уровень древней дневной поверхности здесь должен был быть около 30 см от 0.

С севера и северо-запада от могилы на плане показаны отдельные лежащие камни, поверхность которых имеет нивелировки от 50 до 75 см. Тем самым уровень их залегания должен был быть ещё глубже, что заведомо ниже уровня древнего горизонта. Эти камни большей частью не попадают в зону грабительской ямы, отмеченной в дневнике А. А. Гавриловой. С севера и запада от могилы на плане поставлены две нивелировочные отметки – 0,75 м, обозначающие, по всей видимости, уровень, до которого снимали грунт раскопщики. Видимо, с этого уровня они зафиксировали и начали выбирать могильную яму. На основании этой информации можно предположить, что ряд камней, огибающих с севера и запада могильную яму, был уложен на заплечики или, скорее, дно траншеи, идущей с востока, от разрыва в ограде, к могиле. Аналогичное устройство коридора было прослежено в кургане Ахтума.

Находка над юго-западной стенкой могилы фрагментов глиняного сосуда и костей мелкого рогатого скота была произведена, согласно дневнику А. А. Гавриловой, на уровне 20 см «от поверхности земли», то есть не более 23 см от 0, что, скорее всего, выше уровня древнего горизонта. Судя по тому, что нивелировка находки не производилась, фрагменты сосуда и кости были выбраны рабочими, уровень «от поверхности» замерен в ходе работ. Таким образом, не исключено, что сосуд был поставлен на уровне древнего горизонта при сооружении кургана, хотя с той же вероятностью он мог быть захоронен в кургане в более позднее время. Необходимо отметить, что от сосуда были найдены не менее четырёх фрагментов венчика и около восьми фрагментов стенки (см. ниже), что свидетельствует скорее о намеренном захоронении сосуда (стенки сосуда) и костей.

Как уже говорилось выше, А. Г. Максимова считала, что стенки могильной ямы «проследить не удалось». В связи с этим реконструкцию контуров ямы на нашем чертеже следует считать условной. Кроме того, вызывает вопросы расхождение ориентировки костяков согласно плану погребения и плану кургана на 12 градусов. Вероятна допущенная ошибка в привязке могилы к общему плану, так что ориентировка могильной ямы и погребённых может отличаться от зафиксированной на плане. Погребённые, как указывают в дневни-

ках А. А. Гаврилова и А. Г. Максимова, и как показано на плане погребения, действительно могли быть ориентированы головами строго на восток.

Дно могилы находилось на уровне 175 см от 0 согласно нивелировочной отметке, нанесённой на план погребения. Таким образом, глубина ямы была максимум 1,5 м (от уровня древнего горизонта) или 1,2 м от уровня возможно устроенной здесь траншеи-коридора (см. выше).

Погребённые были уложены, скорее всего, на правый бок, а не на спину, как думала А. А. Гаврилова. Кроме вышеупомянутых аргументов А. Г. Максимовой, которая видела погребение лично, можно привести и положение лопаток обоих костяков, сильно развернувшихся по часовой стрелке, чего не могло случиться при изначальном положении покойных на спине.

Как было упомянуто выше, А. А. Гаврилова взяла для определения кости черепа мужского костяка и кости черепа и таза женского скелета. В приложенном к отчёту С. С. Черникова заключении доктора медицинских наук, профессора В. В. Гинзбурга «обломки черепа» мужского костяка определены как относящиеся к человеку мужского пола, «старческого» возраста, «европеоидного (“Андроновского”) типа»; «мелкие обломки» костей женского скелета определены как останки женщины «возмужалого» возраста (ВКМ, АРХ-15, акт 751п, 1979, КПнв-6112). В МАЭ, по информации старшего научного сотрудника, кандидата исторических наук А. В. Громова, в настоящее время хранятся только лишь фрагменты таза женского скелета.

Согласно хранящемуся в ИИМК РАН заключению старшего научного сотрудника ЗИН АН СССР М. М. Громова, кости мелкого рогатого скота из погребения определены как кости козы, все от одной особи (6/1) (НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 1952, № 38).

К сожалению, нынешнее местонахождение находок из кургана установить не удалось. Их описание можно дать только на основании архивных материалов.

Судя по имеющимся в Научном архиве ИИМК фотографиям и рисункам фрагментов сосуда из насыпи кургана, раскопщиками было собрано не менее четырёх обломков венчика и около восьми обломков стенки (НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 1952, № 37, л. 21, 22). Пять из них удалось подобрать и склеить, восстановив часть венчика и тулова (рис. 4: 1, 5). На зарисовке этого фрагмента, выполненной А. Г. Максимовой (ИА им. А. Х. Маргулана, Ф. 11, оп. 2, связка 15, дело 216), диаметр венчика определён в 14 см, а на рисунке из материалов отчёта – в 15 см. Запись на зарисовке А. Г. Максимовой представляет следующую характеристику керамики: «В тесте примесь шамота, слюды и органических остатков (травы). Излом темный. Внутренняя поверхность желтовато-темноватая с остатками пригорелой пищи. Внешняя сторона желтовато-сероватая. На поверхности имеются отпечатки травы. Обжиг средний. Орнамент – вдавления палочкой». На фотоснимке (НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 1952, № 37, л. 21) отчётливо видны различия орнамента, которым наносились вдавления под венчиком и на тулове: если верхняя полоска вдавлений была нанесена округлым кончиком палочки, то ниже наблюдаются хаотичные наколы углом лопаточки (рис. 5). К сожалению, в трактовке профиля сосуда наблюдается необъяснимый разнобой (рис. 4). На зарисовке А. Г. Максимовой профиль собранной части сосуда практически эллипсоидный, без выделенной шейки (рис. 4: 2). На зарисовках из архива ИИИМК (НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 1952, № 37, л. 22) профили тех фрагментов венчика, которые вошли в реконструированную часть (рис. 4: 4, 5),

во-первых, различаются между собой, а во-вторых, представляют небольшую выгнутую шейку, что расходится с зарисовкой А. Г. Максимовой. Всего на рисунке, хранящемся в ИИМК РАН, имеется четыре зарисовки обломков венчика (рис. 4: 4–7), и все они разнятся между собой. Тем не менее, все эти профили представляют сосуд практически без плечиков, с почти вертикальными, слабо выгнутыми у устья стенками, плавно сужающийся книзу. Кардинальным образом отличается от этих зарисовок профиль сосуда из монографии С. С. Черникова (Черников 1960: 215), представляющий стандартную слабопрофилированную банку с выделенным горлом и отогнутым венчиком (рис. 4: 3). Этому рисунку доверять рискованно, поскольку он появился через несколько лет после раскопок и был сделан, скорее всего, на базе приводимой нами фотографии восстановленной части сосуда, весьма вольно отображённой художником. Следует добавить, что утверждение С. С. Черникова о том, что «форма сосуда плоскодонная» (Черников 1960: 94) является умозрительным. Обломков дна или придонной части не было обнаружено.

Найденный в могиле бронзовый (или медный) двухлопастной наконечник стрелы высотой 3,4, шириной 2,3 см (по рисунку из материалов к отчёту), имеет, судя по фотографии (рис. 6: 1), совершенно плоский, не отличающийся по толщине от лопастей, черешок длиной около 0,4 см и выше него – нервюру, составляющую около 1/3 от длины предмета; четко видна приострѐнная кромка лопастей (заточка?). Уплощённость черешка отмечена и на зарисовке из дневника А. Г. Максимовой. Наш рисунок (рис. 7: 1) выполнен по материалам из архива ИИМК, поскольку рисунок из монографии С. С. Черникова (Черников 1960: 215, табл. XXa: 2) резко отличается от фотографического изображения, в том числе неверно передавая сечение черешка.

В скором времени после раскопок артефакт был утрачен (Сорокин 1962: 125). Состав материала, из которого был изготовлен наконечник, не изучался. С. С. Черников на основании наличия ребра жѐсткости сопоставил канайский наконечник с изделием из рудника Джеламбет¹, являвшимся на то время единственной находкой такого типа в Казахстане, и отнёс к т.н. «усть-буконьскому этапу» андроновской культуры, датируемому XVII–XV вв. до н.э. (Черников, 1960: 96, 98). Андроновская принадлежность могилы № 9 практически сразу была подвергнута критике, однако иной альтернативной интерпретации предложено не было (Сорокин 1962: 126). В начале 1980-х гг., М. Ф. Косарев датировал все «усть-буконьские» материалы доандроновским временем и отметил их близость с вишневыми и самусьскими (Косарев 1981: 105). Не рассматривая проблемы культурно-хронологической атрибуции «канайского» погребения, Н. А. Аванесова определила наконечник стрелы из него как наиболее ранний в типологическом ряду, датировав его XVI в. до н.э. По мнению исследователя, подобные изделия могут являться прототипами так называемых наконечников с треугольным пером с опускающимися книзу жальцами, широко распространенными в эпоху поздней бронзы и раннего железа в степной зоне Евразии. Наконечник стрелы из Джеламбета,

¹ Наконечник найден (во время сборов) весной 1938 г. на руднике Джеламбет (район г. Степняк) в Акмолинской области Казахстана (хранится в ГЭ, коллекция № 1405-98), был отнесён С.С. Черниковым к ранним, доандроновским формам. Нервюра зафиксирована только на одной его стороне. Черешок его, в отличие от канайского, утолщается кверху, плавно переходя в нервюру. Проведѐнный спектральный анализ показал, что изделие выполнено якобы из оловянистой бронзы, однако исследователь посчитал, что содержание олова в нем незначительно (1,56 %) и определил его как выполненный из «...почти чистой меди...» (Черников 1951: 141). Повторный спектральный анализ дал иные результаты (см ниже).

который согласно данным нового спектрального анализа, оказался изготовленным из мышьяковистой бронзы, на основании аналогий с позднебронзовыми наконечниками из Средней Азии и Ирана Н. А. Аванесова датировала поздним бронзовым веком (Аванесова 1991: 45, рис. 39). В работах Н. А. Ткачевой и А. А. Ткачева могила № 9 Каная, как и все ранее объединяемые в рамках «усть-буконьского этапа» материалы, была отнесена к «усть-буконьской культуре» раннего бронзового века и датирована концом III – началом II тыс. до н.э. (Ткачева 1997: 16; Ткачева, Ткачев 2008: 261).

Ю. Ф. Кирюшин, а затем С. П. Грушин с соавторами сопоставили изделие из Каная с двумя черешковыми наконечниками из Верхнего Приобья (Кирюшин и др. 2002: 27; Грушин и др. 2009: 44). Эти экземпляры – один с шипами, другой без шипов – происходят из погребальных комплексов, относящихся к елунинской культуре – Ордынское I (погр. 17) и Цыганкова Сопка II (могила 5) (Зах 1979: 31; Молодин, Дураков 2013: 98; Кирюшин 1987: 114) (рис. 8: 2, 3). С. П. Грушин относит могильник Цыганкова Сопка II к позднему («цыганковосопкинскому») этапу существования елунинской культуры, датируемому, по его мнению, XIX–XVIII вв. до н.э. (Грушин 2013: 21). Наконечник стрелы из Цыганковой Сопки был отлит из оловянной бронзы (Sn 8,47%) в односторонней форме с плоской крышкой; после литья изделие было слегка проковано (Дегтярева и др. 2010: 30). Способ изготовления наконечника из Ордынского неизвестен. Автор первой публикации об ордынском наконечнике В. А. Зах считал изделие кованым (Зах 1979: 31); авторы повторной публикации утверждают, что шипы изделия якобы «явились результатом рассечения зубилом основания кованой пластины» (Молодин, Дураков 2013: 98), однако данных о проведении специальных исследований и здесь не приводится (обращает на себя внимание то, что рисунок наконечника в публикации 2013 года (Молодин, Дураков 2013: рис. 18, 4) скопирован с опубликованного в 1979 году).

Оба елунинских наконечника плоские, включая черешок, который не отличается по толщине от пера. По этому признаку наконечник из Каная можно отнести к тому же кругу артефактов. Тем не менее, канайский наконечник имеет нервюру, что дает основания сопоставить его с изделиями из памятников андроновской общности.

Ни более ранними среди этих наконечников являются изделия, относящиеся к синташтинской культуре (рис. 8: 1). Согласно данным радиоуглеродного анализа, эта культура может быть датирована «в рамках конца XXI–XVIII вв. до н.э. с возможностью некоторого сужения в дальнейшем» (Чечушков, Епимахов 2010: 194; Молодин и др. 2014: 140). Синташтинские черешковые наконечники, из которых шесть найдены в Синташтинском 2 могильнике, а один – в могильнике Танаберген 2, имеют листовидное перо удлинённых пропорций, черешки их утолщаются кверху, плавно переходя в нервюру (Дегтярева 2010: 123–125). Ёлочный орнамент на синташтинских наконечниках можно сравнить с орнаментом на втульчатых листовидных наконечниках стрел, наиболее ранний из которых найден в могиле №29 елунинского могильника Телеутский Взвоз-I; авторы публикации связывают этот наконечник с сейминско-турбинской традицией (Кирюшин и др. 2005: 89–92), формирующейся, по современным данным, в XXIII или в XXII вв. до н.э. (Молодин и др. 2014: 141, 152–153).

Более поздние черешковые наконечники из могильника Айшрак (Маргулан и др. 1966: табл. LIV: 2, 3) (рис. 8: 6), из кургана 1 могильника Теректы-Аулие (Самашев и др. 2013, 25) (рис. 8: 7) и др. подтреугольных или пятиугольных очертаний имеют выделенную нервюру либо

ромбовидное сечение пера, иногда – опущенные жальца, иногда – закругленный нижний обрез пера. Наконечники различных форм встречены вместе в одних и тех же комплексах. Судя по абрису пера, эти формы восходят к эламским прототипам (см. рис. 8: 5-7), а не к синташтинским.

Изделия, аналогичные плоскому подтреугольному литому наконечнику, найденному в могильнике Цыганкова Сопка II, в большом количестве обнаружены при раскопках столицы Элама Суз в слоях, относящихся к периоду от III династии Ура до династий Исина и Ларсы, то есть с XXI по XVIII века до н.э. (Tallon 1987 (1): 148; 1987 (2): №225-284) (рис. 8: 5). Литейные формы для отливки этих предметов найдены в «квартале ремесленников» в районе донжона (Tallon 1987 (2): рl. 346-350). Кроме Суз, такие наконечники практически нигде на Ближнем и Среднем Востоке не зафиксированы и считаются эксклюзивным местным продуктом (Gernez 2007: 407-408). Перо у них имеет подтреугольную форму, пропорции его варьируют от приземистых до сильно вытянутых, шипы отсутствуют. Только лишь единицы из наконечников с подтреугольным пером имеют выраженную нервюру (Tallon 1987 (2): №241, 281). В то же время нервюру имеют почти все найденные в Сузах наконечники вытянутых пропорций с плоским черешком, с «пятиугольными» очертаниями пера и опущенными жальцами (Tallon 1987 (2): № 285-299). Такие наконечники для Ближнего и Среднего Востока также уникальны. Эти наконечники, совместно с некоторыми треугольными экземплярами, наиболее похожи на андроновские. Возможно, что эламские плоские наконечники с подтреугольным пером появились раньше наконечников с нервюрой, но данные раскопок в Сузах говорят и об их одновременном использовании в указанный период.

Опираясь на приведённые аналогии, можно предварительно считать канайский наконечник результатом развития елунинских культурных традиций, восходящих, в свою очередь, к ранним эламским прототипам, и синхронизировать его со временем появления нервюр на синташтинских изделиях. Материал, из которого изготовлена найденная в могиле бочёнковидная бусина (рис. 7: 2), авторами раскопок определён только предположительно («жадеит?», «малахит»). Принять к рассмотрению можно только упомянутый А. А. Гавриловой в отчёте «светло-зелёный» цвет предмета. Судя по фотографии (рис. 6:2), торцевые грани бусины совершенно плоские. Рисунок в монографии С. С. Черникова в этом аспекте неверный (Черников 1960: 215, табл. XXa: 2).

С. С. Черников сделал правильный вывод о хронологической близости погребения в ограде № 9 «как с афанасьевскими, так и с окуневскими» погребениями (Черников 1960: 95). После открытия и раскопок в Восточном Казахстане аналогичных погребальных конструкций (Ковалев и др. 2014) можно отнести рассматриваемый памятник к числу восточно-казахстанских погребальных сооружений чемурчекского круга и датировать его концом III – началом II тыс. до н.э. Аналогичны конструкция ограды, ориентация сооружения на восток с отклонением к северу, устройство с востока ритуального входа или коридора, форма могилы, положение и ориентация погребённых.

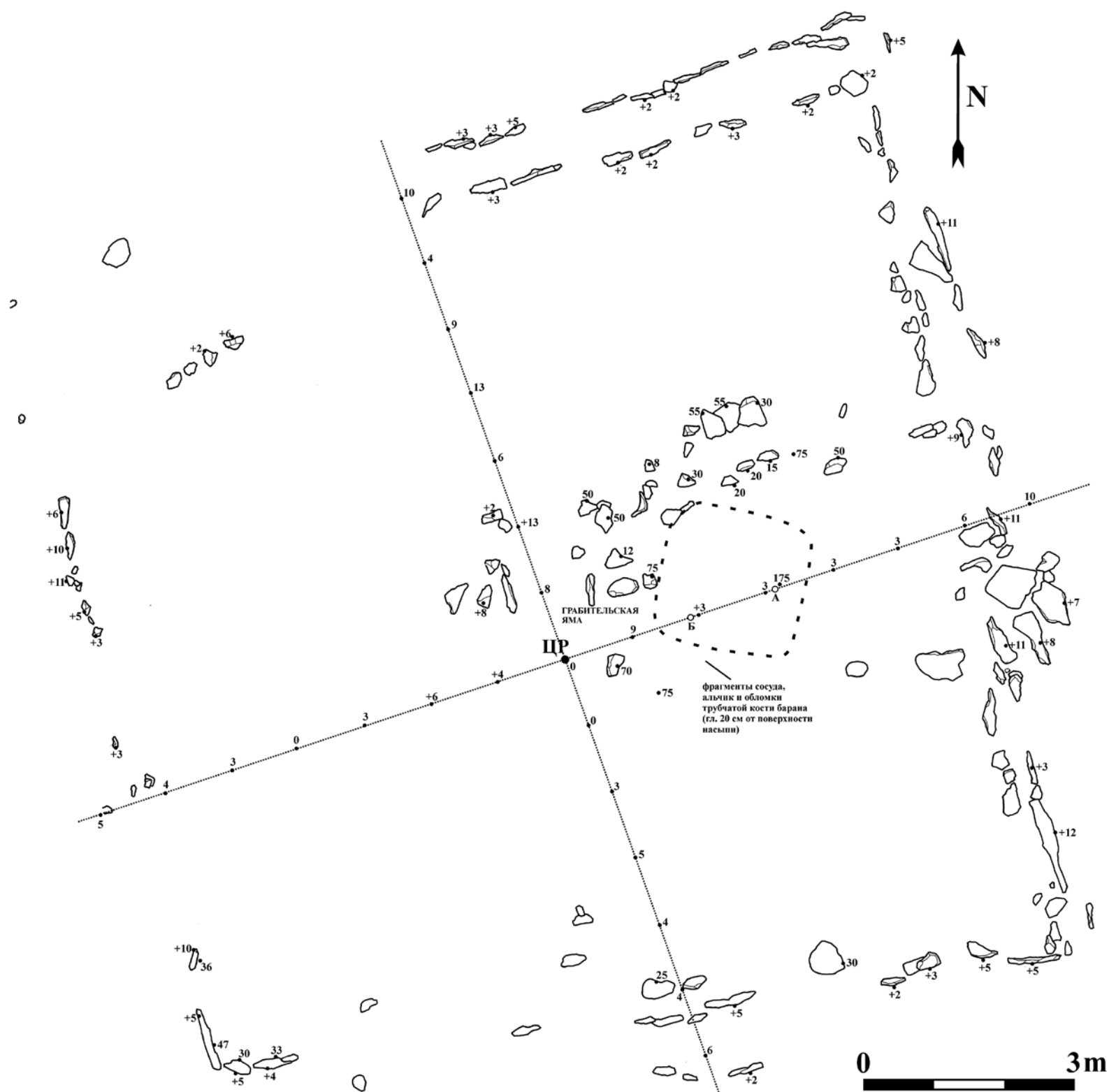

Рис. 1. Ограда № 9 могильника у аула Канай. Общий план (по полевому чертежу – НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 1952, № 36, л. 19). Нивелировки современной поверхности и местоположение грабительской ямы даны по дневнику А. Г. Гавриловой (НА ИИМК, РА, ф. 35, оп.1952, № 34). Местоположение могилы дано по засечкам точек А, Б на полевом чертеже погребения

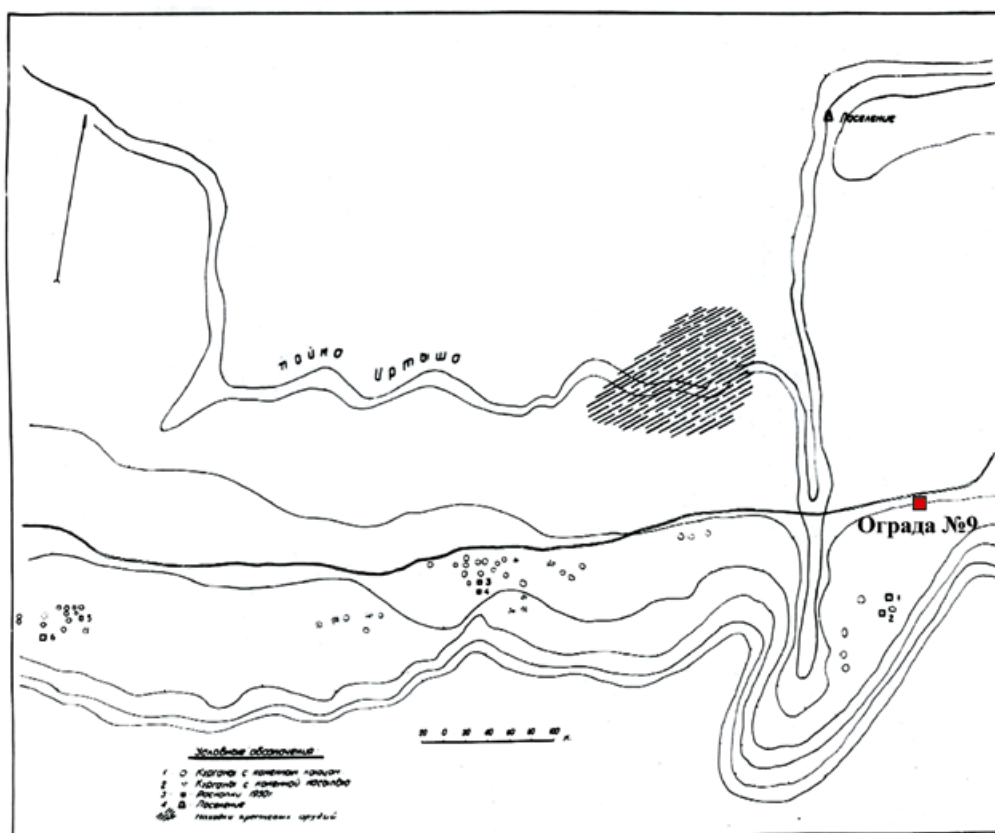

Рис. 2. Комплекс археологических памятников у аула Канай. Ситуационный план 1950 года (по Архив ВКМ, АРХ-109, А 751, 1978, ВКЭ 1952 А). Красным квадратом отмечена заретушированная в оригинале ограда № 9

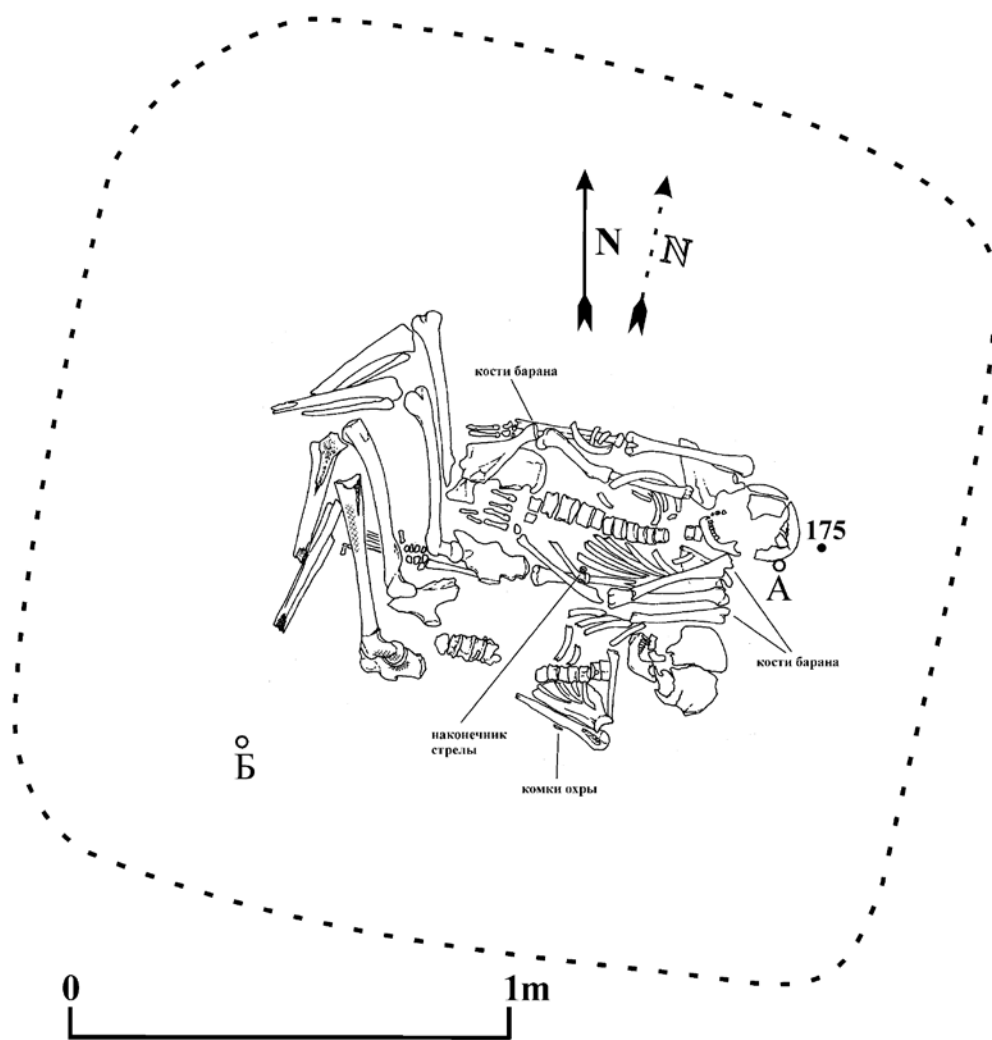

Рис. 3. Ограда № 9 могильника у аула Канай. План могилы (реконструкция по полевому чертежу погребения (НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 1952, № 36, л. 20). Ориентация могилы дана по привязке точек А, Б к общему плану ограда; пунктиром показано направление на север, приведенное на полевом чертеже погребения

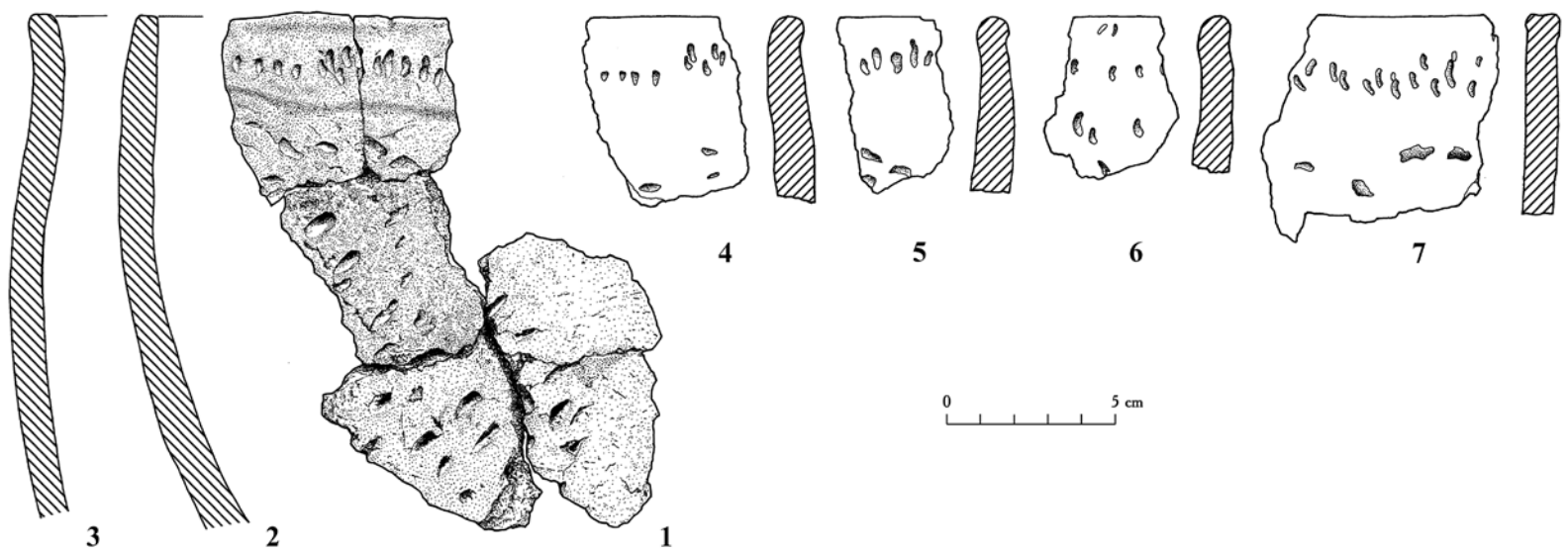

Рис. 4. Ограда № 9 могильника у аула Канай. Керамический сосуд из насыпи. 1 – рисунок восстановленной части (по фотографии, см. рис. 5); 2 – профиль этой части по А. Г. Максимовой (ИА им. А. Х. Маргулана, Ф. 11, оп. 2, связка 15, дело 216); 3 – профиль этой части по С. С. Черникову (Черников 1960: 215, табл. XXа, 4); 4–7 – зарисовки фрагментов сосуда из материалов к отчету (НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 1952, № 37, л. 22) (фрагменты под номерами 4 и 5 входят в восстановленную часть сосуда)

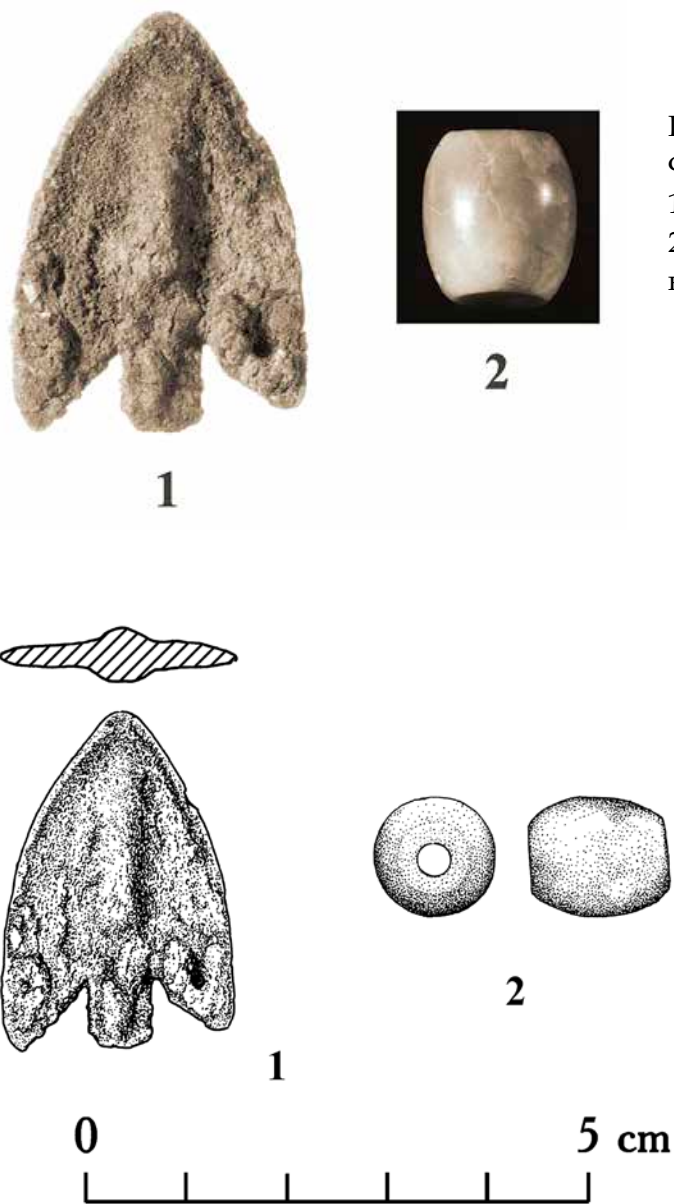

Рис. 7. Ограда № 9 могильника у аула Канай. Находки в могильной яме: 1 – бронзовый (медный) наконечник стрелы, 2 – каменная бусина (по зарисовкам НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 1952, № 37, л. 23, а также фотографиям, см. рис. 6)

Рис. 6. Ограда № 9 могильника у аула Канай. Фотографии находок в могильной яме: 1 – бронзовый (медный) наконечник стрелы, 2 – каменная бусина (НА ИИМК, ФА, негативы I 36007, I 36009)

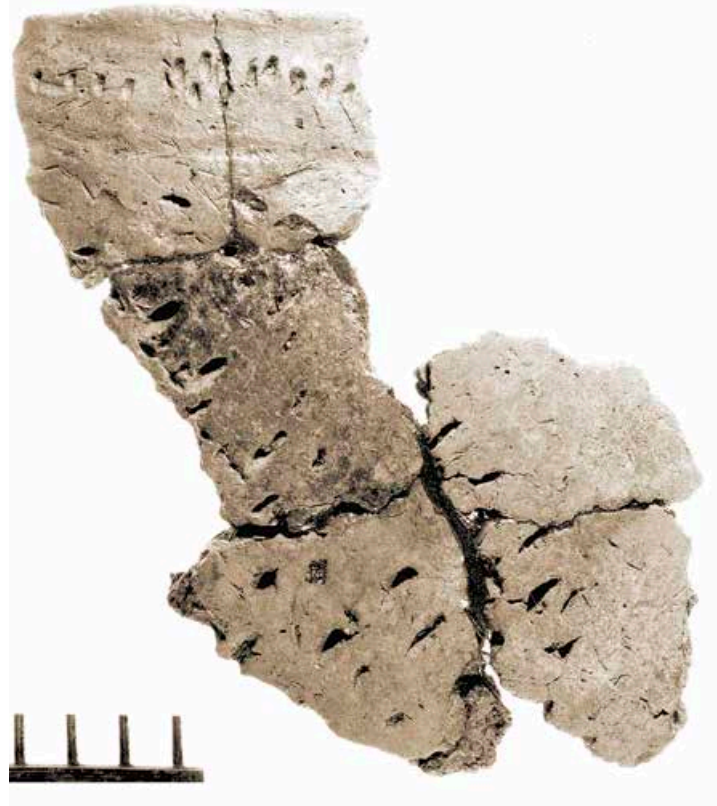

Рис. 5. Ограда № 9 могильника у аула Канай. Фотография восстановленной части керамического сосуда из насыпи (НА ИИМК, ФА, негатив II 56667)

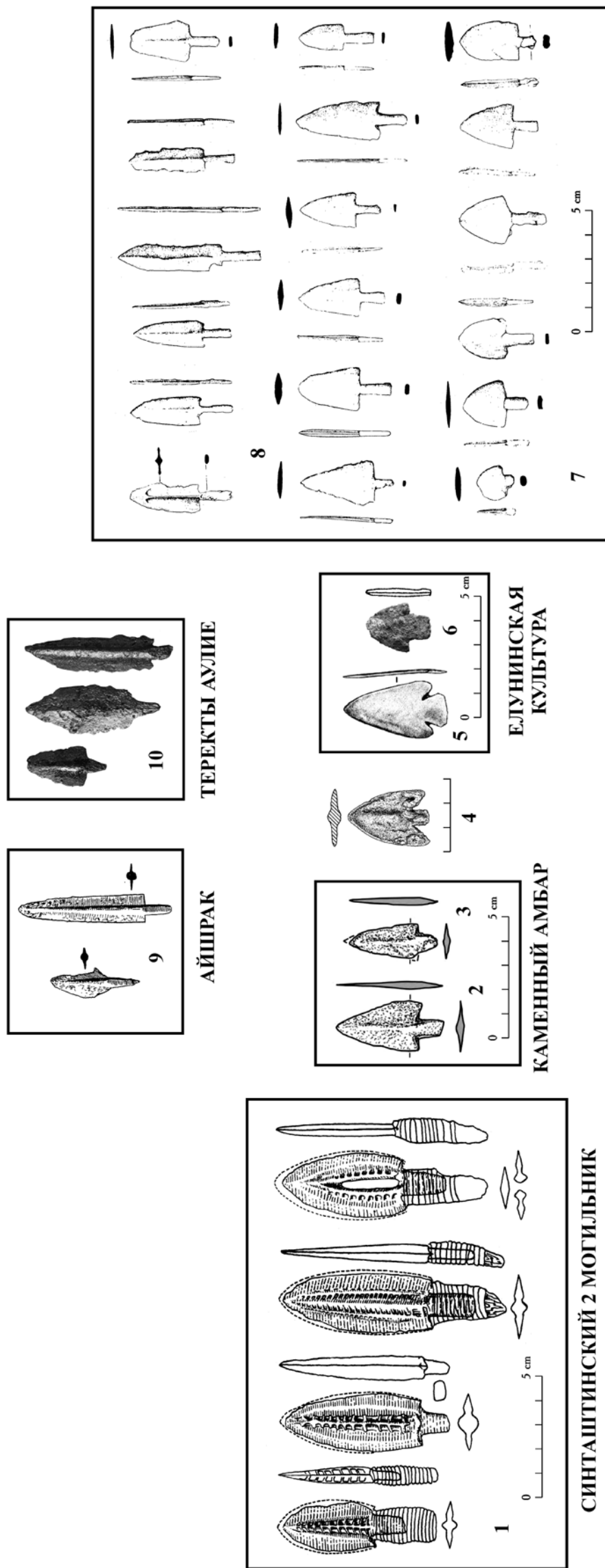

Рис. 8. Бронзовые черешковые наконечники стрел конца III – начала II тыс. до н.э. 1 – Синташтинский 2 могильник (по Генинг и др. 1992); 2 – Ордынское I, погр. 17 (по Молодин, Дураков 2013); 3 – Цыганкова Сопка II, могила 5; 4 – Канай, ограда 9; 5 – Сузы (по Tallon 1987); 6 – могильник Айшрак (по Маргулан и др. 1966); 7 – могильник Теректы-Аулие, курган 1 (по Самашев и др. 2013)

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент : ФАН Уз. ССР, 1991. 200 с.

Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: ФАН Уз. ССР, 1977. 232 с.

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: АЗБУКА, 2014. 380 с.

Варенов А.В. О скифо-сакском компоненте в могильнике Кээрмуци // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Сборник тезисов научной конференции к 35-летию гуманитарного факультета НГУ. Новосибирск, 1997. С. 40–44.

Варенов А.В. Южносибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в Восточном Туркестане // Гуманитарные науки в Сибири, 1998а. №3. С. 60–72. (Серия: Археология и этнография).

Варенов А.В. «Афанасьевские» древности из Северного Синьцзяна и их алтайские аналоги // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы научно-практической конференции. Вып. IX. Барнаул, 1998б. С. 77–81.

Варенов А.В. Материалы новой культуры эпохи бронзы из могильника Кээрмуци в Северном Синьцзяне // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Сборник научных статей. Новосибирск, 1999а. С. 11–28.

Варенов А.В. Новая культура эпохи бронзы из китайской части Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 4. Горно-Алтайск, 1999б. С.53–59.

Варенов А.В. Скифские материалы из китайской части Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999в. С. 26–30.

Варенов А.В. Новая культура эпохи бронзы из Северного Синьцзяна // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Вып. X. Барнаул, 1999г. С. 184–189.

Варенов А.В. Средневековые древности из могильника Кээрмуци в Восточном Туркестане (Синьцзяне) // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 2002. С. 253–262.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. 253 с.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М. : Научный мир, 2002. 248 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племён Урало-Казахстанских степей: в 2-х ч. Ч. 1. Челябинск: Юж.-Урал. кн. из-во, 1992. 408 с.

Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Том первый. Описание природы этих стран. СПб., 1914. 570 с.

Грушин С.П. Поселение Березовая Лука: реконструкция системы жизнеобеспечения // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. Вып. 4/2. С. 22–35.

Грушин С.П. Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III – первой четверти II тыс. до н.э.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2013. 54 с.

Грушин С.П. Археология Рудного Алтая: исследование древних и средневековых памятников у горы Тараскина. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. 118 с.

Грушин С.П., Ковалев А.А. Исследования на могильнике Усть-Каменка-II в северо-западном Алтае // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-

Сибирских археолого-этнографических совещаний: мат-лы XV Междунар. Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 140–142.

Грушин С.П., Мунхбаяр Ч., Тишкин А.А., Фрибус А.В. Цветные изображения на каменных плитах погребальных комплексов ранней бронзы в Западной Монголии // Труды Всероссийского археологического съезда в Казани. Том IV. Казань, 2014. С. 15–19.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. 160 с.

Грушин С.П., Тишкин А.А. Результаты определения находок древесины из памятников ранней бронзы Верхнего Приобья // Теория и практика археологических исследований. Вып. 6. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2011. С. 161–165.

Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зерафшана. Ташкент: ФАН Уз. ССР, 1966. 267 с.

Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 2010. 162 с.

Дегтярева А.Д., Грушин С.П., Шайхутдинов В.М. Металлообработка населения елунинской культуры Верхней Оби (предварительные результаты металлографического исследования) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 27–35.

Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенов А.А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Деппе // С. 166–179. Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 2. М.: Старый сад, 2008. 253 с.

Зах В.А. Погребение кротовской культуры у с. Ордынское // Сибирь в древности. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979. С. 31–32.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Гылым, 1992. 247 с.

Кирчо Л.Б. Древнейший колесный транспорт на юге Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 1(37). С. 25–33.

Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники эпохи ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 100–125.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. 333 с.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. 335 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Кунгуров А.Л., Грушин С.П. Материалы эпохи бронзы с поселения Тыткескень-VI на Средней Катунь // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XII: материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 370–373.

Кирюшин Ю.Ф., Симонов Е.В. Каменный сосуд из Угловского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы научно-практической конференции. Выпуск VIII. Барнаул, 1997. С. 167–171.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. 232 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., Эрдэнэбаатар Д., Мунхбаяр Ч. Археологические исследования в Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2009. Т. XV. С. 287–290.

Ковалев А.А. Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 80–112.

Ковалев А.А. Древнейшая миграция из Загроса в Китай и проблема прародины тохаров // Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Льва Самойловича Клейна. СПб: Изд-во С.Петербург. ун-та, 2004. С. 249–292.

Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения Юрия Федоровича Кирюшина. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. С. 178–184.

Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен (статья 1999 года) // «А.В.». Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб: Культ-информ-пресс, 2007. С. 25–76.

Ковалев А.А. Чемурчекский феномен как продукт эволюции мегалитов атлантического побережья Франции (по материалам радиоуглеродного датирования мегалитических гробниц Западной Европе и памятников чемурчекской культуры) // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. С. 130–140.

Ковалев А.А. Полевые исследования чемурчекских памятников Монголии и Казахстана как основа для разрешения проблемы происхождения чемурчекского культурного феномена // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-2(68). С. 99–104.

Ковалев А.А. Великая чемурчекская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н.э. // Российский археологический ежегодник. № 1. 2011. СПб: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2011. С. 183–244.

Ковалев А.А. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий. СПб.: МИСР, 2012а. 158 с.

Ковалев А.А. Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен как ключ к решению проблемы тохарской прародины // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012б. Кн. 2. С. 49–57.

Ковалев А.А. Бассейн верхней Кобдо как чемурчекская ритуальная территория // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: сборник статей, посвященный 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. С. 391–395.

Ковалев А.А., Самашев З.С., Сунгатай С. Исследования археологических памятников раннего периода бронзового века в Восточном Казахстане (1998–2000 годы) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Часть I. Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая. СПб.: Изд-во ЛЕМА, 2014а. С. 9–162.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Две традиции использования оленных камней Монголии // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии (Труды САИПИ 3). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. С. 99–105.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Ранний и средний периоды бронзового века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 20–24 сентября 2010 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010а. С. 89–103.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 20–24 сентября 2010 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010б. С. 104–117.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Афанасьевско-чемурчекская курганная группа Кургак гови (Хуурай говь) и вопросы внешних связей афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул: АЗБУКА, 2010в. С. 91–108.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Исследования чемурчекских курганов в Булган сомоне Ховд (Кобдоского) аймака Монголии в 2003–2010 годах // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Часть I. Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая. СПб.: Изд-во ЛЕМА, 2014а. С. 235–406.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Исследования ритуальных оград чемурчекского облика и связанных с ними памятников в Баян-Ульги аймаке Монголии в 2004 году // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Часть I.

Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая. СПб.: Изд-во ЛЕМА, 2014б. С. 163–234.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Открытие в центре Евразии новой культуры эпохи развитой бронзы (мунх-хайрханская культура) // Российский археологический ежегодник. № 4. 2014. СПб: ООО «Университетский издательский консорциум», 2014в. С. 194–225.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Зайцева Г.И., Бурова Н.Д. Радиоуглеродное датирование курганов Монгольского Алтая, исследованных Международной Центрально-азиатской археологической экспедицией, и его значение для хронологического и типологического упорядочивания бронзового века Центральной Азии // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 172–186.

Козюменко Е.В. Комплекс с двумя антропоморфными стелами из кургана у станицы Усть-Мечетинской. Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Выпуск 11. Азов, 1993. С. 44–54.

Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тоцев Г.Н. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1991–1992 годах). Запорожье, 1993. 121 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 282 с.

Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980. С. 43–61.

Крылова Л.П. Керносовский идол (стела) // Энеолит и бронзовый век Украины. Исследования и материалы. Киев: Наукова думка, 1976. С. 36–45

Кубарев В.Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009а. 420 с.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009б. 263 с.

Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 444 с.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 640 с.

Кузьмина Е.Е., Ляпин А.А. Новые данные о распространении колесного транспорта в Туркмении // Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1980. С. 34–44.

Кунгуров А.Л. Неолит Верхнего Причумышья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы научно-практической конференции. Выпуск VIII. Барнаул, 1997. С. 98–104.

Кунгурова Н.Ю. Графические изображения на гальках Усть-Куяма // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. Книга II. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2002. С. 81–84.

Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Калиева Ж.С. Археологические исследования на поселении Талдысай // Историко-культурное наследие Сары-Арки. Караганда, 2007. С. 93–106.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.

Липский А.Н., Вадецкая Э.Б. Могильник Тас Хазаа // Окуневский сборник 2. Культура и её окружение. СПб: Элексис принт, 2006. С. 9–52.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1966. 435 с.

Миклашевич Е.А. Некоторые дополнительные материалы в связи с публикацией плит из могильника Лебяжье // Вестник САИПИ. Вып. 6–7, 2003–2004. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. С. 17–27.

Миклашевич Е.А. Окуневские лошади: к проблеме появления одомашненной лошади в Южной Сибири // Окуневский сборник 2. Культура и её окружение. СПб: Элексис принт, 2006. С. 191–211.

Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.: ИА РАН, 2013. 568 с. (Материалы охранных археологических исследований. Том 16).

Молодин В.И., Алкин С.В. Памятники афанасьевского времени на северо-западе Китая (Синьцзян) // Афанасьевский сборник 2. Барнаул: АЗБУКА, 2012. 212 с.

Молодин В.И., Дураков И.А. Погребения эпохи ранней-развитой бронзы могильника Ордынское-1 (новая версия историко-культурной интерпретации) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4 (56). С. 84–101.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.

Мунхбаяр Ч. Результаты раскопок в 2010 г. кургана эпохи бронзы в Западной Монголии // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): мат. межд. конф. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2011. С. 208–214.

Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Ч. Исследования Международной археологической экспедиции Томского и Ховдского университетов в Западной Монголии в 2009 году. Краткие итоги // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов (материалы X международной конференции, г. Ховд, 20-21 августа 2011 года). Том II. Общественные науки. Ховд-Томск, 2011.

Савинов Д.Г. Торгажакские гальки (основные аспекты изучения, интерпретация) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2(14). С. 48–71.

Самашев З., Байтлеу Д., Курманкулов Ж. Петроглифы Теректы Аулие. Астана: Филиал ИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. 240 с.

Самашев З., Мургабаев С., Елеуов М. Сауыскандық петроглифтері. Sauyskandyk petroglyphs. Петроглифы Сауыскандыка. Астана: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Астана қаласындағы филиалының баспа тобы, 2014. 374 б.

Сапожников В.В. По Алтаю. М.: ОГИЗ-Географгиз, 1949. 579 с.

Семенов Вл.А. Неолит и бронзовый век Тувы. СПб: ЛНИАО, 1992. 152 с.

Семенов Вл.А., Монгуш В.Т. Новый памятник окуневского искусства из Тувы // Проблемы изучения окуневской культуры. Тезисы докладов конференции. СПб., 1995. С.45–47.

Семенов Вл.А. Гравированные гальки из Тувы. Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии (Труды САИПИ 3). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та. 2007. С. 70–73.

Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 года). Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. 140 с. (Калмыцкий НИИ языка, литературы и истории и Республиканский краеведческий музей. Труды. Выпуск 3)

Солодейников А.К. О методике фиксации наскальных изображений в пещере Шульган-Таш (Каповая) // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. С. 70–84.

Сорокин В.С., Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.-Л. 1960 (рецензия) // Советская этнография. 1962. № 1. С. 124–130.

Стамбульник Э.У., Чугунов К.В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб, 2006. С. 292–302.

Тишкин А.А. Археологические обследования на Алтае и в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Т. 12. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Ч. 1. С. 489–492.

Тишкин А.А. Обзор исследований в Западной Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Т. 13. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. С. 382–387.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Горбунов В.В., Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч., Идэрхангай Т.О., Фрибус А.В., Эрдэнэбаатар Д. Результаты полевых исследований в Ховдском аймаке Монголии летом 2012 года // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013а. Том 12, выпуск 5: Археология и этнография. С. 157–169.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэбаатар Д. Пристройки культового назначения у курганов чемурчекской культуры (Монгольский Алтай). // Методика исследования культовых комплексов. Барнаул: «Пять плюс», 2012а. С. 104–114.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Мунхбаяр Ч. Археологическое изучение объектов эпохи бронзы в урочище Улаан худаг (Ховдский аймак Монголии) // Теория и практика археологических исследований. Вып. 4. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008а. С. 85–92.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Мунхбаяр Ч. Радиоуглеродное датирование курганов эпохи бронзы, исследованных в долине Буянта (Западная Монголия) // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск, 2010. С. 434–436.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Мунхбаяр Ч. История открытия комплексов ранней бронзы в центральной части Ховд аймака Монголии // Чемурчекский культурный феномен: исследования последних лет. СПб: МИСР, 2012б. С. 15–31.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Мунхбаяр Ч. Каменные сосуды из памятников ранней бронзы долины Буянта (Монгольский Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013б. № 2(8). С. 117–129.

Тишкин А.А., Мунхбаяр Ч., Грушин С.П., Эрдэнэбаатар Д. Памятники ранней бронзы в долине Буянта (Монгольский Алтай) // Известия Алтайского государственного университета. 2011. Вып. 4/1. С. 200–208.

Тишкин А.А., Нямдорж Б., Дашковский П.К., Нямсурен М., Мунхбаяр Ч. Археологические изыскания в Ховдском аймаке (предварительное сообщение) // Эколого-географические, археологические и социоэтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. С. 107–114.

Тишкин А.А., Нямдорж Б., Серегин Н.Н., Мунхбаяр Ч. Плановые археологические обследования в долине Буянта (Западная Монголия) // Теория и практика археологических исследований. Вып. 4. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008б. С. 67–73.

Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Первые результаты Буянтской археологической экспедиции // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. С. 165–168.

Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д., Горбунов В.В., Грушин С.П., Мунхбаяр Ч., Серегин Н.Н. Археологическое наследие на территории Монгольского Алтая и возможности его использования в туристско-рекреационной сфере // Межкультурный диалог на евразийском пространстве. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013в. С. 69–78.

Ткачева Н.А. Памятники эпохи бронзы Верхнего Прииртышья: Автореф. дис... канд. ист. наук. Барнаул, 1997.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука, 2008. 304 с.

Фёдорова-Давыдова Э.А. Раскопки курганной группы Шахаевская II на р. Маныче // Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции. М.: Наука, 1983. С. 35–87.

Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М.: Наука, 1969. 255 с. (МИА № 165)

Хаврин С.В. Могильник Верхний Аскиз I, курган 1 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 65–79.

Цыбрий А.В., Кияшко В.Я. Новое антропоморфное изваяние эпохи ранней бронзы // Археологические записки. Выпуск 7. Ростов-на-Дону, 2011. С. 76–80.

Черников С.С. К вопросу о составе древних бронз Казахстана // Советская археология. Т. XV. М.: Наука, 1951. С. 140–161.

Черников С.С. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 64. М.: Наука, 1956. С. 43–60.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.: Изд-во Академии Наук СССР. 1960 (Материалы и исследования по археологии СССР, 88).

Чечушков И.В., Епимахов А.В. Колесничный комплекс урало-казахстанских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк: Рифей, 2010. С. 182–229.

Щепинский А.А. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму // Советская археология. 1963. №3. С. 38–47.

Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Часть 1 / **Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С.**; под ред. **В.И. Молодина.** Барнаул: АзБука, 2006. 234 с.

На западноевропейских языках

Buonaventura R. Chronology of megalithism in South-Central Portugal // *Menga. Revista de prehistoria de Andalusia. Monográfico № 1.* 2011. P. 159–190.

Corboud P. Les stèles anthropomorphes de la nécropole néolithique du Petit-Chasseur à Sion (Valais, Suisse) // *Bulletin d'études préhistoriques et archéologiques alpines.* T. XX. 2009. P. 1–89.

Dei di pietra. La grande statuarìa antropomorfa nell'Europa del III millennio a. C. Dieux de pierre. La grande statuaire anthropomorphe en Europe au IIIe millénaire avant J. C. / Belley A.M., Mezzena F., Renda A., Zidda G. – red. Milano: Skira, 1998. 222 p.

Gernez G. L'armement en métal au Proche et Moyen-Orient : des origines à 1750 av. J.-C.. Sciences de l'Homme et Société. Université Panthéon–Sorbonne–Paris I, 2007.

Kaniuth K. Metallobjekte der Bronzezeit aus Nordbaktrien Mainz : P. von Zabern, 2006. xi, 259 p. (*Archäologie in Iran und Turan ; Bd. 6.*)

Kovalev A. Die ältesten Stelen am Ertix. Das Kulturphänomen Xemirxek. // *Eurasia Antiqua.* Bd. 5 (1999). 1999. S. 135–178.

Kovalev A. A., Erdenebaatar D. Discovery of New Cultures of the Bronze Age in Mongolia according to the Data obtained by the International Central Asian Archaeological Expedition // *Current Archaeological Research in Mongolia. Papers from the First International Conference on “Archaeological Research in Mongolia” held in Ulaanbaatar, August 19th-23rd, 2007 / Edited by Jan Bemmann, Hermann Parzinger, Ernst Pohl, Damdinsüren Tseveendorzh.* Bonn: Vor- und Frügeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelm-Universität Bonn, 2009. P. 149–170.

Kovalev A. A. Discovery of New Cultures of the Bronze Age in Mongolia (According to the data obtained by the International Central Asian Archaeological Expedition) // *Тулуфаньсюэ яньцзю. Ди сань цзе тулуфаньсюэ цзи Оуя юму миньцзу дэ циюань ю цянъси гоцзи сюэшю яньтао хуй луньвэнь цзи (Исследования по турфанистике: сборник трудов третьей международной научно-исследовательской конференции по турфанистике, а также происхождению и миграциям кочевых народов Евразии).* Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 2010.

Kovalev A.A. The Great Migration of the Chemurchek People from France to the Altai in the Early 3rd Millenium BCE // *International Journal of Eurasian Studies.* Vol. 1 (11). 2011. P. 1–58.

Lilios K.T. Heraldry for the Dead. Memory, Identity, and the Engraved Stone Plaques of Neolithic Iberia. Austin: University of Texas Press, 2008. 218 p.

Robin G. L'architecture des signes: l'art pariétal des tombeaux néolithiques autour de la mer d'Irlande. Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2009. 364 p.

Samashev Z. Petroglyphs of the East Kazakhstan as a Historical Sources. Almaty, 1993. 238 p.

Sarianidi V. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon editions, 2007. 329 p.

Tallon F. Métallurgie susienne I. De la fondation de Suse au XVIIIe siècle avant J.-C. (1; 2). Paris: Éditions de la Réunion des Musées nationaux, 1987. 1, 418 p. 2, 350 p. (Notes et documents des musées de France; 15).

Telegin D. Ya., Mallory J.P., Anthropomorphic Stelae of the Ukraine. The Early Iconography of the Indo-Europeans. Washington, D.C. : Institute for the Study of Man. 1994. 129 p. (*Journal of Indo-European studies, Monograph; no. 11*)

Twohig E. Sh. The megalithic art of western Europe. NY.: Oxford University Press, 1981. 272 p.

Wei Ming Jia P., Betts A.V.G. A re-analysis of the Qiemu'erqieke (Shamirshak) cemeteries, Xinjiang, China // *Journal of Indo-European Studies.* Volume 38 (2010). №3-4. P. 275–317.

На китайском и монгольском языках

Буэрцзинь сянь вэньу баоху гуаньлисо, Цзычжицю боугуань каогу бу (Управление охраны культурного наследия уезда Бурчун, Музей автономного района). Буэрцзинь сянь шижэнь, луши дэ дяоча (Обследование каменных баб и оленных камней уезда Бучун) // *Синьцзян вэньу.* 2002. №1-2. С. 38–50.

Ван Бо. Цимуэрцикэ вэньхуа чутань (Предварительное исследование культуры Чемуэрчек) // *Каогу вэньу яньцзю. Сибэй дасюэ каогу чжуанье чэнли сыши чжоу нянь вэньцзи (1956–1996) (Исследования по археологии и культурному наследию. Сборник статей, посвященных сорокалетию факультета археологии Северо-*

Западного университета (1956–1996)). Ланьчжоу, 1996а. С. 274–285.

Ван Бо. Дуй Цимуэрцикэ цзао ци фэйду ли муди шижэнь дэ жэньши (К пониманию неодионых могильных каменных баб раннего периода Чемурчека) // Синьцзян мэйшу. 1996б. №5. С. 13–20.

Ван Бо, У Дунцзюнь, Чжэн Се. Алэтай гу му чуту жэнь лу дэ чжунцзу жэньлэйсюэ яньцзю (Антропологическое исследование расовой принадлежности черепов, выкопанных в древних могилах округа Алтай) // Синьцзян вэньу. 2005. № 4.

Ван Бо, Ци Сяошань. Сычоу чжи лу цаюань шижэнь яньцзю (Исследование каменных антропоморфных изваяний степей на Шелковом пути). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1996. (Сычоу чжи лу яньцзю цуншу (Серия по исследованиям шелкового пути, 7). 313, 199 с., разд. пагин.

Ван Бо, Ци Сяошань. Сычоу чжи лу цаюань шижэнь яньцзю (Исследование каменных антропоморфных изваяний степей на Шелковом пути). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2010. (Сычоу чжи лу яньцзю цуншу (Серия по исследованиям шелкового пути). 297 с.

Ван Линьшань, Ван Бо. Чжунго Алтай шань цаюань вэньу (Культурное наследие степей китайского Алтая). Шэньчжэнь: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 1996. 96 с.

Кэвалёфу А.А., Эрдэнебатаэр Д. Мэнгу цинтун шидай вэньхуа синь фасянь (Новые открытия культур бронзового века Монголии) // Бяньцзян каогу яньцзю. Т. 8. 2009. С. 246–279.

Ли Чжэн. Алтай дицю шижэнь му дяоча цзяньбао (Краткое сообщение об исследованиях могил с каменными антропоморфными изваяниями в районе Алтай) // Вэньу. 1962. № 7/8. С. 103–108.

Монхбаяр Ч. Хуурай салааны амны I чемурчек булшний судалгааны эхний үр дүнгээс // Acta Historica. Т. XI. 2010. Fasc. 2. Т. 11–25.

«Синьцзян вэйуэр цзычжицю боугуань» хуацэ (Музей Синьцзян-Уйгурского автономного района. Альбом.) / Синьцзян вэйуэр цзычжицю боугуань, Синьцзян Байшиюань гун мэй юсянь гунци (Музей Синьцзян-Уйгурского автономного района, ООО «Синьцзян Байшиюань гун мэй» сост. Шэньчжэнь: Сянган цзиньбань вэньхуа чубаньшэ, 2005. 196 с.

Синьцзян вэйуэр цзычжицю вэньу каогу яньцзюсо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзян-Уйгурского АР). Алэтай ши, Буэрцзинь сянь гу муцзан каогу фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет об археологических раскопках в городском уезде Алтай и уезде Бурчун) // Синьцзян вэньу. 2010. № 1. С. 47–54, цв. вкладка.

Синьцзян вэйуэр цзычжицю ди сань ци цюаньго вэньу пуча чэнго цзичэн. Алэтай дицю цюань (Собрание результатов третьей общегосударственной кампании учёта объектов культурного наследия в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Округ Алтай) / Синьцзян вэйуэр цзычжицю вэньу цзюй (Бюро культурного наследия Синьцзян-Уйгурского автономного района) – сост. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ. 2011а. 225 с.

Синьцзян вэйуэр цзычжицю ди сань ци цюаньго вэньу пуча чэнго цзичэн. Синьцзян цаюань шижэнь ю луши (Собрание результатов третьей общегосударственной кампании учёта объектов культурного наследия в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Каменные бабы и оленные камни степей Синьцзяна) / Синьцзян вэйуэр цзычжицю вэньу цзюй (Бюро культурного наследия Синьцзян-Уйгурского автономного района) – сост. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ. 2011б. 202 с.

Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо, Улумуци ши вэньу гунлисо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна, Управление культурного наследия городского округа Урумчи). Улумуци ши Саэньсаи муди фацзюэ цзяньбао (Краткий отчёт о раскопках могильника Саэньсаи в городском округе Урумчи) // Синьцзян вэньу. 2010. № 2. С. 1–24.

Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо, Улумуци ши вэньу гунлисо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна, Управление культурного наследия городского округа Урумчи). Улумуци ши Саэньсаи муди фацзюэ цзяньбао (Краткий отчёт о раскопках могильника Саэньсаи в городском округе Урумчи) // Вэньу. 2012. № 5. С. 4–12.

Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна). Синьцзян Алэтай дицю гу муцзан фацзюэ цзяньбао (Краткий отчёт о раскопках погребальных сооружений в округе Алтай, Синьцзян) // Вэньу. 2013. № 3. С. 15–19.

Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна). Синьцзян Хабахэ Тоганьбай 2 хао муди фацзюэ цзяньбао (Краткий отчёт о

раскопках могильника Тоганьбай 2 в уезде Хабахэ, Синьцзян) // Вэньу. 2014. № 12. С. 18–28.

Синьцзян Саэньсаи муди (Могильник Саэньсаи в Синьцзяне) / Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна) – сост. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2013. 261 с., 99 л. илл.

Синьцзян шэхуй кэсююань каогу яньцзюсо (Институт археологии академии общественных наук Синьцзяна). Синьцзян Кээрмуци му фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могил в Кээрмуци, Синьцзян) // Вэньу. 1981. №1. С. 23–32.

Синьцзян шэхуй кэсююань каогу яньцзюсо (Институт археологии академии общественных наук Синьцзяна). Синьцзян гудай миныйцзу вэньу (Культурное наследие древних народностей Синьцзяна). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1985. 22, 4, 19 с., 175 л. илл., разд. пагин.

Сы лу гуйбао: Синьцзян гуаньцзан вэньу цзин ци ту лу (Сокровища Шёлкового пути: свод изображений выдающихся культурных ценностей из хранилищ Синьцзяна) / Бай Цзяньяо – сост. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2010. 364 с.

Сы лу фасянь. Хабахэ (Открытия на шёлковом пути. Хабахэ) / CCTV – произв. (телефильм). Б/г.

Сычоу чжи лу. Синьцзян гудай вэньхуа (Шёлковый путь. Древняя культура Синьцзяна) / Ван Бо – сост. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2008. 304 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Эрдэнэбаатар Д., Мунхбаяр Ч. Буянт голын сав дахь турэгийн тахилгын байгууламжийн малтлага судалгаа // Туухийн товчоон. V. 2010. Т. 111–158.

Тишкин А.А., Мөнхбаяр Б.Ч., Эрдэнэбаатар Д., Грушин С.П. Буянт голын ай сав дахь чемурчек булш (Ховд аймгийн нутаг дахь археологийн хайгуул, малтлага, судалгааны үр дүн) // Эрдэм шинжилгээний бичиг. 2011. № 4 (16). Т. 118–156.

Тунтянь чжи ди: Синьцзян Цинхэ тянье жэнь вэнь цзилу (Земля, достигающая неба: свод [достижений] сельской культуры Чингиля, Синьцзян) / Чжан Хуй – сост. Чунцин: Чунцин чубаньшэ, 2007. 220 с.

Төрбат Ц., Баяр Д., Цэвээндорж Д., Баттулга Ц., Баярхүү Н., Идэрхангай Т., Жискара П.Х. Монгол Алтайн археологийн дурсгалууд – I. Баян-Өлгий аймаг. Улаанбаатар: Өнгөт хэвлэл, 2009. 424 с.

Хаяши Тошио. Юрашиа но секидзин (Каменные бабы Евразии). Токио: Юзанкаку, 2005. 245 с. (Юрашиа кокогаку сеншо).

Цаююань миныйцзу вэньхуа дэ линхунь: Синьцзян цаююань вэньхуа ицзи дяоча (Дух культуры степных народов: обследование памятников культуры степей Синьцзяна) / Чжан Пин – сост. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2006. 232 с.

Цаююань шижэнь (Каменные бабы степей) / CCTV-10 – произв. (телефильм). Б/г. (Ми цзин чжуйцзун (Путешествие по пограничным границам) – цикл передач)

Цинхай шэн вэньу гуаньли вэйюаньхуй, Чжунго кэсюэ юань Каогу яньцзюсо Цинхай дуй (Административная комиссия провинции Цинхай по культурному наследию, Цинхайская экспедиция Института археологии Академии наук Китая). Цинхай Дулань сянь Номухун Далиталиха ичжи дяоча ю фацзюэ (Разведка и раскопки селища Далиталиха в Номухун уезда Дулань провинции Цинхай) // Каогу сюэбао. 1963. № 1. С. 17–44.

Цун Дэсинь, Цзя Вэймин. Цимуэрцикэ муди цзи ци цзао ци ицунь дэ чубу фэньси (Могильник Чемурчек, а также первичный анализ памятников его раннего периода) // Цинчжу Чжан Чжунпэй сяньшэн баши суй луньвэнь цзи (Сборник трудов в честь 80-летия Чжан Чжунпэй) / Цзилинь дасюэ бяньцзян каогу яньцзю чжунси бянь (Центр исследований по пограничной археологии Цзилиньского университета – сост.). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2014. С. 275–308.

Цэвээндорж Д., Кубарев В.Д., Якобсон Э. Арал толгойн хадны зураг. Улаанбаатар, 2005. 204 с.

Чжан Юйчжун. Буэрцинь сянь фасянь дэ цайхуй ши гуань му (Могила с расписным каменным ящиком, обнаруженная в уезде Бурчун) // Синьцзян вэньу. 2005. № 1. С. 124–125.

Чжан Юйчжун. Синьцзян Буэрцинь сянь чуту дэ ганьлань син тао гуань (Глиняный сосуд в форме маслины, выкопанный в уезде Бурчун, Синьцзян) // Вэньу. 2007. № 2. С. 66–67.

Юй Цзяньцзюнь. Алэтай каогу чжи син (Археологическое путешествие по Синьцзяну) // Дачжун каогу. 2015. № 7. С. 74–80.

ABSTRACT

In the second part of our multivolume work we continue to present materials to give a detailed characteristic of the Chemurchek cultural phenomenon – the complex of West European megalithic traditions spreaded over the foothills of the Mongol Altai (from the Russian Altai region to Trans-Altai Gobi) in 3rd – early 2nd millenium BC (Ковалев 2011, 2012б; Kovalev 2011). The first volume included reports on excavations carried out by Russian, Mongolian and Kazakh scholars in 1998-2010 (Ковалев и др. 2014; Ковалев, Эрдэнэбаатар 2014а; 2014б). In the present volume we place the reports on excavations of Chemurchek sites, undertaken by the Altai State University and the Khovd University in the central part of the Mongol Altai. Thirteen Chemurchek barrows with dolmen-shape chambers and circumjacent multi-layer cairns were excavated there in 2007-2014 under the conduction of A. A. Tishkin, S. P. Grushin, Ch. Munkhbayar and D. Erdenebaatar (Тишкин и др 2011; 2012а; 2012б; 2013а; Грушин и др. 2014). During a number of seasons these researches were carried out under orders of the St.-Petersburg State Museum-Institute of Rhoerihs.

In 2015 the Museum-Institute of Roerichs in collaboration with the Altai State University and Khovd University organized an expedition to excavate a unique Chemurchek sanctuary in Khar Chuluut locality in the headstream of the Khovd river. We considered it necessary to include a report on the results of this investigation into the present volume, because a comprehensive publication of the site may possibly take several years. We also tried to gather and recapitulate all the available data on Chemurchek-type sites and finds in Xinjiang, even short and deficient publications of Chinese scholars and desultory information from popular books and documentaries.

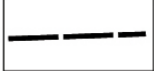

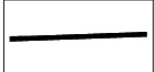

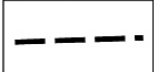

A true notion of the Chemurchek cultural phenomenon can not be completed without an information concerning it's surrounding. Thereby we undertook a publication of a data on a previously unknown culture of the Early Bronze Age (contemporaneous with Chemurchek) namely the Saensayi culture of the Eastern Tien Shan. People of this culture most probably migrated to the Inner Asia from the North-Western Caspian region, and preserved a rite of burial in “shaped pits” with ritual vehicle. The Saensayi culture had close relations with Chemurchek population of East Kazakhstan, that is corroborated by the discovery of the traces of the same burial rite there, for example in the Кора 2, Кора 3 barrows (Ковалев и др. 2014).

The results of excavations of Ust'-Kamenka-2 mound in the Zmeinogorsk area of the Altai region of Russia, discovered by S. P. Grushin, gave a clear evidence that people bearing the Chemurchek cultural phenomenon had spread hundreds kilometers to the North, to the region of Yelunino (Elunino) culture distribution. The architecture of this burial construction corresponds with a standard of Chemurchek mounds, that is unique for the Bronze Age of Russian Altai.

Original photographs and drawings of pictures on stone slabs of Chemurchek burial and ritual constructions, represented in this volume, are of special importance for solving the problem of the origin of Chemurchek cultural phenomenon. Geometrical-shape paintings of slab-chambers of barrows Belen Usny Denj, Khuurai Salaany Am 1 in the Khovd aimag, and of those in Toganbay 2 M2 and Kopar in Xinjiang supplement a series of analogous evidences from Chemurchek mounds of Bulgan sum (Ковалев, Эрдэнэбаатар 2014а). Now we can state with even more reasons, that the general set of compositions of Chemurchek paintings is a peculiar reproduction of leading motifs of the decorative art of megalithic cultures of France, Spain, Ireland, Switzerland. Rhombs and chevrons inscribed into each other, parallel multi-triangle festoons, sloping net, net with cells filled with roundish spots, meander-shaped and volute-shaped curves, flat areas chaotically covered with broken lines – all these in the aggregate are distinguishing characteristic of the art of “Atlantic Megalithism” (Twohig 1981; Robin G. 2009; Ковалев 2012б: 52-53). Small shale plates with geometrical ornament, discovered in Khar Chuluut also find their West-European propotypes (Lilios 2008). Fantastic creatures with parabolic or rectangular bodies and different-shaped antennae, which occupy central place in the pictures of Khar Chuluut sanctuary, meet their analogies only in megalithic monuments of France (Ковалев 2012а: 155-156, fig. 4).

Alexey A. Kovalev.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

	Древняя дневная поверхность (реконструкция)		Камни в конструкциях отдельных этапов сооружения памятника
	Современная поверхность насыпи		Граница периметральной земляной насыпи (реконструкция)
	Граница земляной ямы (реконструкция)		Каменная наброска
	Граница грабительского хода (реконструкция)		Мешаное заполнение гробницы

СОДЕРЖАНИЕ

А.А. Ковалев

ВВЕДЕНИЕ 5

А.А. Тишкин, С.П. Грушин, А.А. Ковалев, Ч. Мунхбаяр

ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕМУРЧЕКСКИХ ПАМЯТНИКОВ
В ДОЛИНЕ РЕКИ БУЯНТ (ХОВД АЙМАК МОНГОЛИИ)
В 2007–2008 ГОДАХ 6

Улаан худаг I, курган 1 8

Улаан худаг I, курган 12 14

Улаан худаг II, курган 3 27

А.А. Тишкин, С.П. Грушин, Д. Эрдэнэбаатар, Ч. Мунхбаяр

ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕМУРЧЕКСКИХ ПАМЯТНИКОВ
В ДОЛИНЕ РЕКИ БУЯНТ (ХОВД АЙМАК МОНГОЛИИ)
В 2009 ГОДУ 42

Халзан узуур II, курган 1 43

Халзан узуур II, курган 2 53

Халзан узуур II, курган 3 64

Халзан узуур II, курган 4 74

Полигон I, курган 1 83

Шарсум I 89

А.А. Ковалев, Ч. Мунхбаяр, С.П. Грушин, А.А. Тишкин, Ю.И. Ожередов

ЧЕМУРЧЕКСКИЕ КУРГАНЫ
В УРОЧИЩЕ ХУУРАЙ САЛААНЫ АМ
(ХОВД СОМОН ХОВД АЙМАКА МОНГОЛИИ) 100

Хуурай салааны ам, курган 1 102

Хуурай салааны ам, курган 2 123

С.П. Грушин, А.А. Тишкин, Ч. Мунхбаяр, А.В. Фрибус

РОСПИСИ НА КАМЕННЫХ ПЛИТАХ
ЧЕМУРЧЕКСКОГО КУРГАНА БЭЛЭН УСНЫ ДЭНЖ
(ХОВД СОМОН ХОВД АЙМАКА МОНГОЛИИ) 142

А.А. Ковалев, Ч. Мунхбаяр

ЧЕМУРЧЕКСКИЙ РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС
ХАР ЧУЛУУТ 1 В ИСТОКАХ РЕКИ ХОВД (КОБДО)
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ) 155

А.А. Ковалев, И.В. Мерц

ОГРАДА № 9 МОГИЛЬНИКА БЛИЗ БЫВШЕГО АУЛА
КАНАЙ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ
(ПО АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ) 215

<i>С.П. Грушин, А.А. Ковалев</i> ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНА ЧЕМУРЧЕКСКОГО ОБЛИКА НА МОГИЛЬНИКЕ УСТЬ-КАМЕНКА-II (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ)228
<i>А.А. Ковалев</i> ЧЕМУРЧЕКСКИЕ ПАМЯТНИКИ СИНЬЦЗЯНА: АРТЕФАКТЫ, КОМПЛЕКСЫ, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ240
<i>А.А. Ковалев, Д. Эрдэнэбаатар</i> КУЛЬТОВОЕ МЕСТО БРОНЗОВОГО ВЕКА ХАР ГОВЬ В ВЫСОКОГОРНОЙ ЧАСТИ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ (МУНХ-ХАЙРХАН СОМОН ХОВД АЙМАКА МОНГОЛИИ)280
<i>А.А. Ковалев</i> САЭНЬСАИ – НОВАЯ КУЛЬТУРА БРОНЗОВОГО ВЕКА ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА ТЯНЬ-ШАНЕ293
ЛИТЕРАТУРА307
АВСТРАКТ316
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ317

Научное издание

**ДРЕВНЕЙШИЕ ЕВРОПЕЙЦЫ
В СЕРДЦЕ АЗИИ:
ЧЕМУРЧЕКСКИЙ
КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН**

**ЧАСТЬ II. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ
И В ИСТОКАХ КОБДО;
ПАМЯТНИКИ СИНЬЦЗЯНА
И ОКРАИННЫХ ЗЕМЕЛЬ**

Составитель и научный редактор
А.А. Ковалев

Подписано в печать 11.12.2015. Гарнитура Book Antiqua.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 136.

Отпечатано в типографии ООО "ПОЛИТЕХНИКА-ПРИНТ",
Санкт-Петербург, Измайловский пр., 18 Д
Тел. (812) 251-50-26